

*Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов,
Ю.Б. Смирнова, И.В. Шильникова*

ЖИЛЬЕ ФАБРИЧНОГО РАБОЧЕГО В ПЕРИОД ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: сравнительный анализ архивной документации двух крупных мануфактур*

Жилищный вопрос на предприятиях пореформенной России, обострившийся с началом индустриализации и сопутствовавшей ей урбанизации, встал перед владельцами предприятий во весь рост¹. До начала индустриализации, когда промышленные заведения были в основном небольшими, проблема размещения рабочей силы обыкновенно не стояла перед администрацией — на большинстве предприятий трудились рабочие из окрестных деревень и поселков, а мануфактуры с крупными оборотами были устроены по принципу раздаточных контор, когда работа выполнялась на дому (так, например, было устроено ткацкое производство). В случае если рабочие не уходили в собственные дома, они ночевали прямо в мастерских и в цехах (в совершенно антисанитарных условиях, что, впрочем, не слишком волновало хозяев)². Происходившее постепенно укрупнение предприятий обнаружило, во-первых, что проживание рабочих в цехах мешает производственному процессу (особенно при круглосуточном режиме работы фабрики), и, во-вторых, что даже если строить фабрики на пересечении дорог между несколькими деревнями, трудно найти достаточное количество рабочих с собственным жильем³. В крупных городах указанная проблема стояла не менее остро, поскольку в России фактически не сложилась система организованных рабочих кварталов с дешевыми квартирами. Рабочим крайне редко удавалось за приемлемые деньги снять даже приличную комнату, и они зачастую набивались по множеству человек в одну квартиру, так называемого коечно-каморочного

* Работа проводилась при поддержке грантов NWO и РГНФ №05-01-01240а.

типа (иногда по несколько семей в одну комнату), жили в помещениях, находящихся в плохом санитарном состоянии, нередко и в подвалах⁴. Учитывая все вышесказанное, становится очевидным, что предприниматели вынуждены были в той или иной форме участвовать в решении жилищной проблемы рабочих семей.

Подчеркнем, что хотя вопросы о положении фабричных рабочих неоднократно рассматривались как дореволюционными исследователями, так и в советское время, чаще всего при этом использовались сводные данные. Между тем, если мы хотим изучить в деталях социальные аспекты функционирования предприятий, включая жилищные условия рабочих, сводные данные дают недостаточную информацию, обобщая слишком большое число различных случаев и сглаживая тем самым все особенности, которые, однако, также представляют немалый интерес. Еще более важным является то обстоятельство, что ряд важных механизмов решения социальных проблем на дореволюционных предприятиях можно исследовать только на микроуровне, по материалам архивов предприятий, поскольку они не нашли отражения в сводных данных.

Выяснить на примере нескольких крупных текстильных фабрик, как развивалась «социальная сфера» предприятий, связанная с обеспечением рабочих жильем, медицинской помощью, продуктами, с созданием образовательных учреждений при фабрике — задача исследовательского проекта, частью которого является данная статья, в которой мы рассматриваем вопросы обеспечения жильем рабочих двух крупных текстильных предприятий дореволюционной России — Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове и Товарищества Ярославской Большой Мануфактуры (ЯБМ). Эти вопросы обсуждаются в нашем проекте в контексте изучения факторов *мотивации труда*.

Оба товарищества входили в число десяти самых крупных текстильных предприятий России начала XX в. — как по стоимости производства, так и по числу рабочих⁵. Выбор этих объектов нашего исследования обусловлен также хорошим состоянием источниковой базы. За основу этой базы взята делопроизводственная документация рассматриваемых предприятий. Дела Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина находятся в фонде № 673 Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ),

а дела Товарищества ЯБМ — в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО), где имеется фонд ЯБМ (ф. 674).

К началу XX в. Товарищество Н.Н. Коншина состояло из четырех фабрик⁶: ситценабивная («Старая мыза»), прядильно-ткацкая («Новая Мыза»), красильно-отделочная («Старый двор»), Ново-Ткацкая («Третьяковка») фабрики. Товарищество владело также литейным заводом, кирпичным заводом, электростанцией и различными хозяйственными учреждениями (конный двор, мельница и проч.). На предприятии работало более 11 тыс. рабочих.

Число рабочих Товарищества ЯБМ превышало 9 тыс. Основными производствами были прядильное, ткацкое, ватное, крутильное и мотальное. Кроме того на ЯБМ действовало 13 вспомогательных производств: лесопильное, столярно-модельное, токарно-катушечное, кузнечное, чугунно-литейное, медно- и бронзолитейное, слесарно-токарное, мукомольное, хлебопекарное и др.

Рабочие рассматриваемых нами фабрик (впрочем, как и многих других), обеспечивались жильем тремя разными способами: 1) им предоставлялось место в жилых корпусах (казармах) при фабриках⁷, 2) им выплачивались от фабрики дополнительно к зарплате «квартирные деньги» на наем жилья, 3) они получали (приобретали) домик в рабочем поселке.

Фабричные казармы

В литературе традиционно описываются тяжелые условия проживания в казармах, выстроенных при дореволюционных российских предприятиях. Для фабричных жилых корпусов действительно была характерна высокая скученность, вследствие чего комнаты в казармах часто были переполнены, грязны, плохо проветривались. Однако ситуацию нельзя признать, во-первых, абсолютно одинаковой для всех промышленных заведений, и, во-вторых, неизменной на протяжении периода 1870–1910-х гг., что подтверждают материалы архивных фондов предприятий.

Здесь уместно отметить, что жилые помещения в фабричных казармах вообще делились на два основных типа — спальни и каморки. Общие спальни представляли собой большие комнаты

вроде армейских казарм, и в них обычно жили десятки рабочих. Каморки же — это комнаты поменьше, в основном рассчитанные на семейных рабочих, хотя это еще совершенно не значит, что в каждой каморке помещалась только одна семья. В источниках (как и в основанной на них литературе) данной терминологией пользовались по-разному, в зависимости от того, какой тип комнат вообще существовал на том или ином предприятии. Так, нередко «спальнями» прозывались казармы вообще, и это было особенно характерно для тех фабрик, при которых в казармах вообще не было каморок.

Посмотрим, что собой представляли казармы на коншинских фабриках в конце XIX–начале XX вв. Когда в 1884 г. Е.М. Дементьев осматривал фабрики Серпуховского уезда, у Н.Н. Коншина было пять спальных корпусов при прядильно-ткацкой фабрике (на фабрике было всего 1891 рабочих), четыре корпуса — при ситценабивной (1070 рабочих), два корпуса — при красильно-отделочной фабрике (284 рабочих), всего 11 казарм⁸. В табл. 1 приводятся сведения о размерах комнат в коншинских казармах в это время.

Таблица 1

*Средние размеры жилых помещений
в казармах при фабриках Н.Н. Коншина, 1884 г.*

Фабрики	Объем на человека, кубических сажен				Человек на ка- морку
	В общих спальнях		В каморках		
	Разброс	В среднем	Разброс	В среднем	
Прядильно- ткацкая	0,53–1,02	0,64	0,39–1,79	0,75	4,9
Ситценабивная	0,31–1,94	0,83	0,32–1,72	0,85	3,6
Красильно-от- делочная	0,50–0,72	0,57	0,57–1,13	0,84	4,0

Источник: Дементьев Е.М. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда. (Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. III. Вып. XV). Ч. I. М., 1888. С. 50–51, 56–57.

Видно, что казармы были переполнены, и что содержание воздуха на человека в среднем не достигало даже 1 куб. сажени (9,7 м³). Суммируя данные по всему уезду, Дементьев отмечал, что объем жилых помещений на человека составлял в среднем

на прядильных и ткацких фабриках 0,28–1,81 куб. сажени в спальнях и 0,47–0,98 в каморках, на ситценабивных и красильных — 0,57–2,51 в общих спальнях и 0,84–2,23 в каморках⁹. Как видим, средние показатели по коншинским ситценабивной и красильной фабрикам были наименьшими в уезде, что, возможно, объяснялось объективными трудностями размещения столь большого числа проживающих в казармах крупнейшего в округе предприятия.

Вообще говоря, проблема строительства казарм для рабочих подверглась, как и ряд других вопросов, некоторому правовому и административному регулированию достаточно рано. Хотя никакого общего закона, который бы указывал промышленникам, как нужно организовывать жилищное обеспечение рабочих, так никогда и не было издано¹⁰, в 1879 г. законодательно было установлено право местных органов власти выпускать обязательные для выполнения санитарные постановления¹¹, причем в пункте 1(в) статьи I специально оговаривалось, что эти санитарные постановления могут касаться устройства и порядка содержания фабричных, заводских и других промышленных заведений «в пределах, касающихся санитарных и гигиенических условий». В течение 1880-х гг. ряд уездных земств выпустили на этом основании обязательные санитарные правила, причем правила, принятые разными земствами, были практически идентичными: например, тексты санитарных правил для Московского и Серпуховского уездов отличаются лишь одним параграфом из более чем ста¹². Главное требование относилось к нормам объема в жилых помещениях, где на каждого человека должно было приходиться не менее 1 куб. сажени воздуха; минимально допустимая высота потолков определялась в 4 аршина, минимально допустимые размеры каморок составляли 4 аршина в длину и 3,5 аршина в ширину, требовалось наличие в комнатах окон, регулировались размеры нар в общих спальнях¹³. Позднее «Обязательные санитарные постановления» принимались и на губернском уровне, добавлялись новые требования. Так в общих «Правилах» Московской губернии имелось обязательное требование, чтобы мужские и женские общие спальни должны быть раздельными и, соответственно, чтобы семьи нельзя было размещать в общих спальнях вовсе¹⁴.

Заметим, что если брать не средние, а максимальные размеры комнат, то оказывается, что на каждой из коншинских фабрик были такие каморки, в которых норма в 1 кв. саж. была не только достигнута, но и значительно превышена. В этой связи весьма ценным представляется замечание Дементьева о том, что Товарищество проявляло внимание и заботу по отношению к квалифицированным рабочим: «Администрация размещает тех, у кого хорошие заработки (граверов, раклистов, мастеровых), далеко не так тесно, как прочих: заурядные рабочие почти всегда втискиваются по две семьи (в числе до 7 душ) в каморку, тогда как вышеперечисленные рабочие имеют каждая семья, хотя бы только из двух человек, отдельную каморку»¹⁵.

Однако в то же время, в 1884 г., когда коншинские фабрики были осмотрены Е.М.Дементьевым, часть рабочих размещалась и вовсе в нежилых помещениях: на ситценабивной фабрике из 989 рабочих-мужчин 486 (почти половина) жили в фабричных помещениях, при этом только 287 — в спальнях (казармах)¹⁶. Видимо, этим обусловлено, что на лето некоторые переселялись «...в балаганы. Это самодельные конуры величиною менее куб. сажени, сбитые из старых тесинок от упаковочных ящиков. Скученные и разбросанные в совершенном беспорядке во дворе, эти балаганы образуют целый городок, крайне опасный в пожарном отношении и безусловно вредный в гигиеническом; последнее потому, что узкие проходы и закоулки между балаганами полны всевозможного зловонного сора, отбросов, извержений и проч.»¹⁷.

В начале XX в. таких случаев, судя по документации, уже не было. Но условия проживания в фабричных казармах все равно оставались тяжелыми, о чем можно судить из данных табл. 2.

Итак, в фабричных казармах жили более половины всех рабочих (точнее — от 74% до 77% в 1904–1907 гг.), многие с семьями. Хотя количество спальных мест заметно увеличилось по сравнению с 1884 г., условия проживания и в начале XX в. были далеки от существовавших санитарных норм — в одной каморке располагалось в среднем более 7 человек, теснота была такая, что на человека приходилось лишь 0,8 кубической сажени. В 1900 г. в казарме № 3 прядильно-ткацкой фабрики, где по состоянию на 1 июля жили 426 человек, в одной каморке обитало в среднем более 12 человек при удельном объеме 0,59 куб. сажени; в казарме

№ 2 той же фабрики удельный объем доходил до 0,55 куб. сажен. Даже на ситценабивной фабрике, где условия были наилучшими, их нельзя признать удовлетворительными. Однако в 1900 г. в самых больших Сериковских казармах, где в 116 каморках жили 630 человек, на человека приходилось 1,28 куб. сажен, то есть минимально необходимая санитарная норма была соблюдена.

Таблица 2

**Некоторые показатели вместимости каморок
в фабричных казармах товарищества мануфактур
Н.Н. Коншина, 1900 и 1905 гг.**

Фабрика	Жильцов в казармах		Человек на каморку		Куб. сажен / человек	
	1900 г.	1905 г.	1900 г.	1905 г.	1900 г.	1905 г.
Прядильно-ткацкая	4 216	4 154	7,76	7,64	0,68	0,69
Новая ткацкая	3 140	3 894	8,95	9,36	0,79	0,75
Ситценабивная	1 974	2 195	5,14	5,60	1,11	1,01
Все вместе	9 330	10 243	7,30	7,58	0,81	0,78

Источник данных для вычислений: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 20, лл. 1 об., 14 об., 23 об., 97–107, 135–141, 121–131.

В докладной записке уездных врачей А.Э. Кеммериха и В.И. Фредерикса «О результатах санитарного осмотра 24 и 25 августа 1907 года на Новой Мызе» дана нелицеприятная картина непроизводственных помещений¹⁸. Так, в ее первой части много написано о плохом состоянии выгребных ям буквально везде — при больнице, родильне, бараках, школе, квартирах прислуги больницы, конном дворе. Далее говорится: «Квартиры фабричных рабочих являются в следующем виде: все старые спальни грязны внутри, местами существуют отжившие свой век нары и, например, в так называемых “холостых” квартирах в одной комнате помещаются 20–23 человек. Тут же они сушат белье, и даже умываются, так как нигде не устроены умывальники, хотя это можно свободно устранить в очень удобном для этой цели месте в каждом этаже посредине коридоров». Кроме того, в записке отмечалась высокая скученность буквально во всех спальнях: «В общем бросается в глаза сильное перенаселение жилых помещений, при котором более или менее удовлетворительное санитарное состояние их невозможно... Нужно еще

удивляться той относительной чистоте, в которой удается обитателям спален содержать свои каморки при такой тесноте... В Новых спальнях в комнатке в 20 куб. с. помещается 27 человек — койки стоят вплотную, без проходов, а кругом них около стен узкий проход, где трудно разойтись 2 человекам... В “Эрмитажах” внизу светлый коридор и высокие потолки, наверху такие каморки, из которых не выберешься, если возгорится».

Архивные документы свидетельствуют, что фабричное жилье, предоставлявшееся рабочим Ярославской Большой Мануфактуры в конце XIX–начале XX вв., по ряду показателей выгодно отличалось от казарм большинства предприятий не только Ярославской губернии, но и России в целом. В разные периоды в казармах проживало от 40 до 60% рабочих фабрики (в целом по губернии в начале XX в. этот показатель составлял лишь 35%). Первые жилые корпуса появились на ЯБМ в 1870-х гг. К началу XX в. казармы при фабрике занимали 10 каменных зданий (два — четырехэтажных, семь — трехэтажных, один — двухэтажный) с центральным (калориферным и водяным) отоплением. В табл. 3 приведены сведения о наружных размерах казарм, количестве комнат и плотности их заселения в 1905 г.

Таблица 3

Сведения о наружных размерах фабричных казарм ЯБМ, количестве жилых комнат и плотности их заселения, 1905 г.

Номер зданий	Длина, саж.	Ширина, саж.	Высота, саж.	Жилых комнат	Человек на каморку
16	24	6	6	55	5,6
41	31	7	4	68	5,2
3	41	10	6	121	6,8
4	51	10	6	124	7
5	51	10	6	160	7,3
6	40,5	10	6	160	7,3
7	40	10	6	124	7
8	51	10	6	160	7,3
9	51	7,75	7,5	170	6
10	40	7,75	7,5	184	4,4

Примечание. Номера корпусов даны в соответствии с принятой тогда на фабрике единой внутренней системой нумерации фабричных построек.

Источник: ЦДНИ ЯО, ф. 394, оп. 1, д. 19, л. 166. (последний столбец подсчитан нами с использованием сведений о количестве жильцов в корпусах).

Из табл. 3 видно, что плотность заселения строений была разная. Более комфортными для проживания считались корпуса № 9 и № 10, появившиеся последними. Они были «устроены по последнему слову строительной техники», и на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. удостоились серебряной медали за казармы для рабочих¹⁹. Книги учета рабочих, проживающих в фабричных помещениях, показывают, что большинство жильцов этих зданий составляли квалифицированные рабочие. Таким образом, на ЯБМ, как и на коншинских фабриках, работники, в которых администрация была заинтересована, имели преимущества при получении и распределении фабричного жилья.

При размещении рабочих в жилых корпусах администрация ЯБМ старалась соблюдать установленные санитарные нормы. В отчете главного фабричного врача мануфактуры указано, что в начале XX в. на одного живущего в камерке приходилось 1,25–1,5 куб. саж. воздуха (12–14 м³), тогда как для тех рабочих, которые снимали жилье в прифабричном районе, этот показатель был значительно ниже — «иногда доходит до 1 куб. арш. на человека» (0,36 м³)²⁰. В 1908 г. в одной из заметок газеты «Северный вестник» отмечалось, что жилые корпуса ЯБМ «по своей чистоте и опрятности производят приятное впечатление»²¹. Старший фабричный инспектор Ярославской губернии, неоднократно посещавший мануфактуру в августе–сентябре 1910 г. констатировал, что условия проживания рабочих в фабричных казармах отвечают установленным нормам, а камерки в них «просторные и светлые»²².

Фабричная администрация ЯБМ уделяла пристальное внимание благоустройству жилых корпусов, соблюдению в них чистоты и порядка. В казармах регулярно производился ремонт, для чего рабочих временно выселяли в коридоры. Если сначала помещения освещались с помощью керосиновых ламп, то с 1901 г. в них появилось электричество, что было характерно для многих российских предприятий в этот период. С этого момента рабочие, ранее жившие в камерках бесплатно, начали платить за освещение, что, однако, не окупало расходы Товарищества по этой статье. В каждой комнате, кроме форточки, существовала искусственная вентиляция — «выпускная и вытяжная». Кровати были единственным предметом обстановки, который фабри-

ка предоставляла рабочим, остальное они должны были приобретать на собственные средства²³. На каждом этаже находились туалеты. Для приготовления пищи в кухнях были установлены «громadne пeчи со множеством расположенных в четыре яруса всегда горячих камер, куда и ставятся для варки кушанья»²⁴. В казармы была проведена вода из фабричного водопровода. И главный фабричный врач, и члены администрации признавали, что поступающая вода «загрязнялась стекающей по канаве азотосодержащей жидкостью с городского свалочного места, расположенного на другой стороне реки Которости (так в тексте: написание «Которость» вместо «Которосль» встречается в документах того времени довольно часто. — авт.) по течению выше фабрики»²⁵, в связи с чем «применение ее для хозяйственных потребностей населения не вполне желательно, но исключительно в силу необходимости приходится допускать это, так как лучшую воду взять неоткуда». В конце XIX в. Товарищество, пытаясь решить эту проблему, потратило 30 000 р. на бурение артезианского колодца, однако полученная таким образом вода оказалась очень соленой, непригодной для питья²⁶. Стремясь предотвратить возможность распространения различных желудочно-кишечных заболеваний из-за загрязненной воды, администрация установила в производственных корпусах и в казармах кубы с кипятком и оплачивала работу кубовщиков (кубовщиц), которые следили за постоянным наличием кипяченой воды. При корпусах жил и санитарный фельдшер. Кроме того, Товарищество выделяло средства на оплату специального штата прислуги при жилых корпусах: кухарок, сторожей, «морильщика насекомых». Исполнение правил проживания, соблюдение порядка контролировались особой администрацией — на каждом этаже был смотритель, а при каждом корпусе хожалый. Общий надзор за порядком в казармах осуществлял старший хожалый. Хорошо налаженная система вывоза нечистот с территории фабричного городка (в течение 24 часов) позволяла в целом поддерживать в нем условия, отвечавшие установленным санитарным требованиям. Санитарный совет, состоявший из фабричных врачей и членов администрации, в ходе регулярных обходов казарм и других зданий, расположенных на фабричном дворе, выявлял недостатки и намечал мероприятия по их устранению. Из всего

вышесказанного можно заключить, что вопрос создания нормальных условий проживания для рабочих стоял для фабричной администрации ЯБМ отнюдь не на последнем месте.

Надо отметить, что существовавшие на ЯБМ принципы предоставления и переселения по корпусам и каморкам оказывали определенное воздействие на трудовое поведение работников. Для того, чтобы получить место в казарме, а затем улучшить условия проживания, работник должен был определенным образом зарекомендовать себя на производстве. Например, как показывают записи в личных делах, рабочий, регулярно допускавший нарушения правил внутреннего распорядка, имел немного шансов заселиться или (если уже жил в казарме) получить более комфортные условия. Как правило, схема предоставления жилья выглядела следующим образом: сначала рабочему предоставлялось место в одном из наиболее плотно заселенных фабричных зданий, причем каморка обычно располагалась на северной стороне. С течением времени работника переводили в комнату, расположенную на южной стороне. В самой каморке существовала очередь перемещения «к окошку».

Рабочий, получивший место в казармах, обязан был соблюдать правила пользования фабричными жилыми помещениями, установленные на предприятии. На коншинских фабриках и на ЯБМ был введен строгий распорядок: у Карзинкиных (в 1900-е гг.) вход в казармы закрывался в 10 часов вечера летом и в 8 часов зимой; у Коншина тот же распорядок был принят в 1880 г., а в 1890 г. — тоже в 10 часов летом и в 9 часов — зимой²⁷. С опоздавших взимался штраф за нарушение порядка²⁸. Кроме того, на Ярославской мануфактуре жители казарм должны были соблюдать чистоту и порядок («мыть коридоры и каморки перед праздничными и воскресными днями»), следить за чистотой воздуха («курить табак только на кухне») (это также и противопожарное требование), «для хранения продуктов пользоваться специальными погребями»), «не стирать и не сушить белье в каморках», осторожно обращаться огнем, а также «вести себя тихо и скромно», без ругани и драк²⁹. Допуск в каморки посторонних разрешался только по специальному разрешению хожалого или администрации. Безусловно, проживавшие «на вольных квартирах» пользовались большей свободой, однако бытовые условия, предоставляемые фабрикой, были объек-

тивно лучше и привлекательнее для рабочих. Кроме того, бесплатное проживание в казармах давало ощутимую экономию бюджета рабочей семьи. Для записи желающих получить фабричное жилье на ЯБМ существовала специальная книга, и рабочий получал камеру в порядке очереди.

Необходимо специально подчеркнуть, что и у Коншина, и у Карзинкиных в казармах проживали не только фабричные рабочие, но и члены их семей. В очерке, датированном 1909 г., приводится подробная статистика, связанная с распределением мест в казармах при всех коншинских фабриках за 1904–1909 гг.:

Таблица 4

Состав жителей фабричных казарм товарищества мануфактур Н.Н. Коншина, 1904–1909 гг.

На 1 ян- варя	Куб. саж. на чело- века	Из числа всех живущих было						Итого всего насе- ления	
		Работающих на фабриках			Неработающих				
		М	Ж	Всего	Взрослых		Детей обо- его пола		Всего
					М	Ж			
1904	0,77	4 732	3 913	8 645	65	903	2 863	3 831	10 478
1905	0,78	4 719	3 943	8 662	64	901	3 049	4 014	10 444
1906	0,78	4 839	3 894	8 733	74	946	3 017	4 037	10 513
1907	0,78	4 726	3 723	8 449	75	934	3 100	4 109	10 329
1908	0,83	4 786	3 793	8 579	69	1 004	3 462	4 535	10 786
1909	0,83	4 661	3 791	8 452	46	962	3 716	4 724	10 812

Источник: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 358, л. 44 об.

Далее в том же очерке приводится динамика процентного распределения рабочих и членов их семей среди проживающих в казармах (табл. 5).

Данные табл. 4 и 5 свидетельствуют о том, что квартирный вопрос у Коншина со временем становился все более острым, несмотря на то, что в 1909 г. казармы товарищества располагались уже в 28 корпусах (два последних из них были введены в строй в 1908 и 1909 гг.). При этом ухудшение жилищных условий было связано не с увеличением числа живущих в казармах рабочих, а с увеличением числа членов их семей, в первую очередь детей.

Видимо, подобная проблема существовала и на Ярославской мануфактуре. В «Правилах внутреннего распорядка» для

рабочих ЯБМ за 1910 г. указывалось, что «квартирами пользуются только те семьи, в которых число неработающих членов семьи менее числа работающих. Исключения из этого правила могут быть допускаемы с разрешения Заведующего Мануфактурой»³⁰. В табл. 6 приводятся сведения о составе рабочих в казармах ЯБМ за 1905 г.

Таблица 5

**Процентный состав жителей фабричных казарм
товарищества мануфактур Н.Н. Коншина,
1904–1909 гг.**

Год	Неработающих			Работающих
	Всех	В том числе		
		детей	взрослых	
1904	28,15	20,79	7,36	71,85
1905	28,44	21,27	7,17	71,56
1906	28,26	20,90	7,36	71,74
1907	29,74	22,42	7,32	70,26
1908	31,23	23,73	7,50	68,77
1909	32,73	25,34	7,39	67,27

Источник: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 358, л. 45.

Таблица 6

**Количество рабочих, проживавших в казармах ЯБМ
в 1905 г.**

Номер зданий	Мужского пола		Женского пола		Всего
	Взрослых	Детей	Взрослых	Детей	
16	81	52	103	73	309
41	80	51	163	61	355
3	278	124	251	174	827
4	228	161	305	184	878
5	296	194	432	246	1 168
6	315	206	435	211	1 167
7	228	154	317	172	871
8	304	186	433	242	1 165
9	288	186	297	244	1 015
10	233	150	236	192	811
Всего	2 331	1 464	2 972	1 799	8 566

Источник: ЦДНИ ЯО, ф. 394, оп. 1, д. 19, л. 167.

На многих дореволюционных предприятиях, содержавших на свои средства казармы для рабочих, существовали отдельные комнаты (или корпуса) для семейных и одиноких рабочих, в которых планировка и размеры каморок отличались. Так, в частности, было на фабриках Коншина. Здесь при ситценабивной фабрике существовали две казармы, которые так и именовались «для одиноких», и в 1900 г. там в пяти «комнатах» проживало 290 рабочих-мужчин. Во всех других казармах жили также женщины и дети, и нигде больше среднее число человек на комнату не превышало 14 человек на комнату³¹. На ЯБМ, как видим из табл. 6, подобного разделения жилых помещений не было — здесь отсутствовали большие комнаты-спальни, в которых администрация предприятий размещала зачастую по несколько десятков человек. Одинокие рабочие на ЯБМ имели такие же условия проживания, как и семейные (в каморках, рассчитанных не более чем на 8 человек). Возможно, такой подход к проектированию жилых корпусов объяснялся тем, что администрация мануфактуры была преимущественно ориентирована на то, чтобы принимать на работу целые семьи³².

Представляет интерес, что фабричное руководство у Коншина, связанное с рабочим договором, могло выселить его из фабричных жилых корпусов только по решению суда. Какое-то время казармы предоставлялись еще и пенсионерам, которые по выслуге лет получали пенсию от фабрики, хотя в правилах 1907 г. говорилось, что им запрещается иметь каморку в казарме. Но даже и пенсионера администрация фабрик не могла выселить без достаточных обоснований, руководствуясь лишь соображениями о полезности жилья для предприятия. В фонде имеется, например, такое письмо директора прядильно-ткацкой фабрики заведующему административно-хозяйственной частью фабрик Е.Е. Тизенгаузену от 24 января 1906 г.: *«Имею честь покорнейше просить Вас распорядиться возбудить установленным порядком, через суд, ходатайство о выселении из казармы № 4 каморки № 45 пенсионера Т.А. Тараракина, положительно не терпимого в спальне, вызывающего своей старческой нечистоплотностью массы жалоб каморочных и соседей»*³³. Здесь особенно интересно именно то, что пенсионера, с 1904 г. не работающего на фабрике и по существующим правилам не име-

ющего права занимать место в фабричной казарме, пришлось выселять через суд и потому лишь, что на него поступали жалобы соседей. В 1907 г. в казармах прядильно-ткацкой фабрики проживали 13 пенсионеров, в казармах Новой ткацкой — 3 пенсионерки, при ситценабивной фабрике пенсионеров не было³⁴.

На ЯБМ мы наблюдаем иную ситуацию: рабочий мог быть выселен из казарм по решению администрации. Чаще всего такое решение принималось в случае увольнения рабочего или при регулярном нарушении им установленных правил проживания (пьянство, драки, ругань и т.п.)³⁵. Хуже всего для рабочего, конечно, было то, что с этого момента приходилось платить дополнительные деньги на проживание на «вольной квартире»; дополнительным негативным последствием для рабочих — выходцев из крестьян являлось то, что они теперь были вынуждены жить в чужом городе «в стороне» от своих земляков. Такие работники, особенно несемейные, предпочитали фабричные казармы, объясняя это тем, что «здесь им было веселее»³⁶. Как говорилось выше, отказать в предоставлении места в казарме на ЯБМ могли и в качестве производственного взыскания.

Для выселения женщины-работницы могли быть и иные поводы. Есть примеры, когда выселяли незамужнюю женщину-работницу фабрики с незаконнорожденным ребенком. (Рождение незаконного ребенка грозило работнице, проживавшей в фабричной казарме, даже увольнением, но выселение могло состояться и без увольнения. Обычно это делалось в том случае, если женщине удавалось отправить ребенка к родным, в деревню)³⁷. Показательно, что рабочие или работницы, вынужденные оставить работу на предприятии вследствие потери трудоспособности (болезнь, старость, производственная травма), получавшие после увольнения ежемесячные пособия (5–7 р.) и жившие на «вольных квартирах» иногда просили прекратить выплату пособия и вместо этого поселить их в «фабричные каморки»³⁸, хотя шансов на положительный ответ у них, видимо не было, — скорее им могли увеличить пособие или поставить на очередь в богадельню.

Квартирные деньги

В случае, если рабочий не получал места в казарме, фабрика выплачивала ему компенсацию — денежное пособие, ежемесяч-

но добавляемое к заработку («квартирные деньги»). В связи с ростом количества рабочих на предприятиях и ограниченными возможностями размещения их в фабричных казармах в начале XX в. несколько увеличивается доля живущих «на вольных квартирах», соответственно растут и расходы владельцев на выплату «квартирных денег». Так, в июле 1900 г. из 5100 рабочих прядильно-ткацкой фабрики Коншина «квартирные деньги» получали 1583 человека, т.е. 31%. В июне 1914 г., согласно расчетным книгам, доля таковых составила уже почти 42% — 1970 человек из 4715. Сведения о росте расходов Коншиных по статье «выплата квартирных денег» представлены в табл. 8.

Размеры «квартирных» денег заметно отличались даже в пределах одной губернии. Кроме того, владельцы индивидуально определяли размеры выплат для разных групп рабочих.

У Коншина, судя по правилам о пенсиях от 1907 г., предоставление рабочим бесплатного места в казарме приравнялось примерно к десятой части заработка. Однако рабочим платились одинаковые «квартирные деньги», заведомо меньшие этой доли. По данным упомянутых выше расчетных книг за 1902 г. мастера получали в месяц от двух до десяти рублей, но подавляющему большинству рабочих причиталось по 1 рублю в месяц³⁹ — сумма, явно недостаточная для найма приличного жилья. Неудивительно, что рабочие боролись за повышение ставки «квартирных денег». В октябре 1905 г. в качестве уступки требованиям бастующих Правление пошло на увеличение выплат: с Пасхи 1906 г. размер их составил 1,5 р. в месяц на человека⁴⁰. В 1909 г. ставка составляла уже 2 р.⁴¹, но в дальнейшем увеличение не производилось очень долго. Только с 1 мая 1917 г. квартирные выплаты были увеличены с 2 до 6 р. в месяц⁴², а с 1 сентября 1917 г. (по решению комиссара труда Московского промышленного района) — до 12 р. в месяц⁴³.

На ЯБМ администрация по иному подходила к вопросу определения размера «квартирных денег» для разных групп рабочих. На заседании Правления Товарищества 7 октября 1895 г. было принято решение с 1 января 1896 г. всем работавшим на ЯБМ и не пользовавшимся при этом фабричным жильем выплачивать ежемесячное «квартирное довольствие»: 1 р. 75 к. мужчинам и 1 р. 25 к. женщинам⁴⁴. Директор мануфактуры С.А. Федоров «хо-

датайствовал перед Правлением» о распространении этой меры также на работающих подростков и малолетних. Согласившись с ним, 18 октября 1895 г. члены Правления установили новые нормы «квартирного пособия»: 1 р. 50 к. мужчинам, 1 р. женщинам, 75 к. — подросткам и малолетним. Причем, было решено не дожидаться начала следующего года, а ввести эту меру уже с 1 ноября 1895 г., известив об этом рабочих через специальное объявление⁴⁵. В начале XX вв. ежемесячные выплаты рабочим, не проживавшим в казармах, были увеличены: мужчинам — до 1 р. 50 к., женщинам — до 1 р. 25 к., подросткам и малолетним обоего пола — до 1 р.⁴⁶ Эти суммы были несколько выше, чем на ряде других текстильных предприятий губернии, и тем не менее их явно не хватало для оплаты жилья. Об этом свидетельствуют требования, выдвигавшиеся рабочими во время стачек начала XX в., а также цены на комнаты в городе. В конце октября 1905 г. Правление, стремясь предупредить дальнейшее развитие начавшейся стачки, согласилось удовлетворить целый ряд выдвинутых требований, в том числе было объявлено «о повышении квартирного довольствия всем рабочим, не пользующихся бесплатными помещениями от фабрики»: мужчинам отныне полагалось по 3 р. в месяц, женщинам — по 2 р., подросткам и малолетним — по 1 р. 50 к.⁴⁷ Видимо, на протяжении следующего десятилетия указанные суммы не менялись. Рабочие мануфактуры выдвигали требования увеличения «квартирных денег» в октябре 1915 г. (всем — на 1 р.) и в апреле 1916 г. (всем независимо от пола и возраста — до 5 р. в месяц), но Правление отказывалось их выполнить, ссылаясь на уже сделанные за годы войны прибавки к зарплате и «удержание цен в харчевой лавке»⁴⁸.

Отметим, что на соседних с рассматриваемыми нами, не таких больших фабриках дело с выплатой денег на наем жилья на стороне в основном обстояло хуже. Так, на Норской мануфактуре выплачивать «квартирные деньги» начали значительно позже, только в 1912 г. (причем под давлением рабочих, ссылавшихся на пример ЯБМ), и размер их был меньше: мужчинам — по 2 р. в месяц, женщинам — 1 р. 50 к., подросткам и малолетним — по 1 р.⁴⁹ То же мы можем сказать и о серпуховских фабриках. В мае 1914 г. на Серпуховской бумагопрядильне бастующие рабочие требовали увеличения «квартирных денег», которые тогда им

выдавались в размере 1 р. в месяц (напомним, что коншинские рабочие уже с 1909 г. получали по 2 р.). Бастующие рабочие требовали ставки в 3 р. в месяц, но добились лишь увеличения до 1 р. 50 к. в месяц⁵⁰. Через две недели после этого забастовали рабочие Рябовской мануфактуры, которые, в частности, потребовали установления выдачи «квартирных денег» в размере 2 р. 50 к. ежемесячно, а также набойщики фабрики бр. Кочетковых, которых устроили бы и 2 р. в месяц (результат нам неизвестен в обоих случаях)⁵¹. В августе 1916 г. рабочие суконной мануфактуры Каштановых добились того, что им будет выплачиваться по 1 р. 50 к. «квартирных» в месяц⁵².

Интересно, что даже если рабочий ЯБМ увольнялся (в силу разных причин), не доработав до конца месяца, то причитающиеся ему за отработанное время «квартирные деньги» также выплачивались при расчете. Например, в личном деле слесаря Н.Н. Бакина, работавшего на мануфактуре с 1902 г., присутствует запись о том, что он был арестован 15 октября 1907 г. (причина ареста в деле не указана) и рассчитан 13 декабря 1907 г. «по записке Главного механика за продолжительную неявку на работу вследствие ареста. «Деньги, причитающейся заработной 3 р. 63 к.», а также квартирные деньги 1 р. 50 к. (т.е. сумма за отработанную им половину октября месяца), были выданы его отцу⁵³.

Безусловно, дополнительные выплаты на наем жилья являлись подспорьем для рабочих семей, однако получить приличные условия проживания за эти деньги было невозможно. Главный фабричный врач ЯБМ П.П. Воскресенский в первые годы XX в. так характеризовал бытовые условия рабочих, снимавших квартиры в частных домах прифабричного района: «большинство квартир означенного района устроены без всяких удобств для квартирантов, низки, сыры, холодны; зимой — промерзают, с промозглым запахом, не вентилируются, не имеют даже форточек; вместо кроватей нередко имеют простые нары; переполнены квартирантами, причем кубическое содержание воздуха иногда доходит до 1 куб. арш. на человека; и ко всему этому очень дороги»⁵⁴. В одном из личных дел есть запись о том, что в 1897 г. рабочая семья из 4 человек платила за квартиру в этом районе 4,50 р.⁵⁵ В 1913 г. за плохую комнату на окраине г. Ярославля приходилось платить до 10 р. Были случаи, когда владель-

цы частных квартир жаловались в Контору ЯБМ, что их жильцы — рабочие мануфактуры — должны им квартирную плату за несколько месяцев⁵⁶. В таких условиях чуть легче приходилось семье, где несколько человек работали на ЯБМ и, следовательно, получали «квартирные деньги».

Подобная ситуация с наймом жилья была характерна в целом для России. В материалах бюджетного обследования рабочих Петербурга в 1909 г. показана «типичная женская текстильная семья», состоящая из работающих на фабрике матери 45 лет и дочери 19 лет — они снимали комнату в 4 аршина длины, 2 аршина 6 вершков ширины и 3,5 аршина высоты (т.е. это комната в $2,8 \text{ м} \times 1,7 \text{ м} = 4,8 \text{ м}^2$; вместимость комнаты — 1,23 куб. сажень), — «кровать и сундук, между ними узкий проход», — и за эту комнату без дополнительных услуг — стирки и варки пищи — они платили по 4,5 р. в месяц⁵⁷. И за 10 лет до того цены на жилье были незначительно меньшими — как образец в одной статье приводится квартира, в которой в первой комнате на трех кроватях помещалось три семьи — трое женщин, трое мужчин и двое детей, во второй комнате — 9 человек, в кухне — 11 человек, на каждого в квартире приходилось около половины куб. сажени воздуха, а цены составляли (за кровать) в комнатах — 3,50–4,00 р. в месяц, на кухне — 3 р. в месяц⁵⁸.

Наиболее удобной выплата квартирных денег, разумеется, была для рабочих, проживающих в собственных квартирах в городе или в прилегающих к фабрикам слободах и деревнях, потому что администрация фабрики не регистрировала наличие собственного жилья и так же платила рабочим квартирные деньги.

Сколько было таких рабочих — сказать сложно, потому что нам не удалось найти статистики на этот счет ни для коншинских фабрик, ни для ЯБМ. В общем исследовании о городе Серпухове говорится, что доля живущих в собственных домах составляла 15%, но не указаны ни время, на которое приходится такая цифра, ни ее источник⁵⁹. Единственные достоверные данные мы находим у того же Дементьева, и они относятся к 1884 г. Тогда на ситценабивной фабрике из 989 рабочих-мужчин 389 (почти 40%) проживали в своих домах или у родственников, 164 — снимали квартиры, а 486, как уже говорилось, жили при фабрике⁶⁰. Оценивая этот факт, впрочем, нельзя не принять во внимание,

что на ситценабивной фабрике вообще должно было быть больше «местных жителей». Во-первых, эта фабрика, в отличие от других, располагалась почти в центре города Серпухова; во-вторых, большое количество отделений и цехов на фабрике вело к большей необходимости в квалифицированных рабочих, которые вербовались во многом из городских жителей. Можно еще предположить, что имело большое значение и то, что именно эта фабрика была старейшей, и когда-то на ней почти все рабочие были серпуховскими мещанами, и хотя это было еще в середине XIX в., нельзя пренебрегать определенной инерцией в этом вопросе — тогда в промышленности повсеместно проблема устройства на фабрику или завод решалась во многом благодаря связям — работал ли какой-то родственник или знакомый на той же фабрике, и мог ли он поручиться за новичка перед мастером.

Как бы то ни было, эта доля — 40 процентов — живущих в собственных квартирах довольно велика. Но к началу XX в. ситуация не могла не измениться в сторону ее значительного уменьшения. Общее число рабочих за 20 лет выросло почти втрое, и очевидно, что среди новых рабочих было больше «пришлых». В 1904–1907 гг. уже примерно три четверти всех коншинских рабочих (8,5 тыс. чел.) жили в фабричных казармах. В 1902 г. серпуховских мещан на фабриках было почти 1300 человек, однако это число дает лишь самую грубую оценку живущих в собственных домах. Мы не знаем, сколько серпуховских мещан не имело собственного жилья, но, с другой стороны, еще многие рабочие были крестьянами деревень Скрылья и Глазечни (где непосредственно находились почти все фабрики), а также и других близлежащих деревень, и жили в своих домах. Отдельные дома занимали и жители рабочего поселка.

Рабочий поселок

Рабочий поселок вблизи от предприятия — еще один путь решения проблемы обеспечения жильем рабочих и их семей в дореволюционный период. Этот способ имел свои индивидуальные особенности на разных фабриках в зависимости от местных условий (возможностей) и позиции предпринимателей.

На ЯБМ в середине 1890-х гг. уже сложилась практика предоставления рабочим ссуд «под векселя» на постройку или ремонт

домов и другие хозяйственные нужды. В июле 1898 г. с целью упорядочения процесса выдачи ссуд на заседании Правления было принято решение, что числящийся за рабочими долг по таким ссудам не должен превышать одновременно 10 тыс. р.⁶¹ В этот период деньги выдавались на условиях уплаты 6% годовых. В первые годы XX в. заведующий мануфактурой А.Ф. Грязнов обращался к Правлению с предложением помочь рабочим в строительстве собственных домов путем выдачи беспроцентных ссуд с последующими ежемесячными отчислениями из заработка для их погашения. Он мотивировал необходимость такого шага тем, что, несмотря на все усилия фабричной администрации, казармы не дают рабочим возможности полноценно отдохнуть и восстановить силы после трудового дня, а кроме того, крайне негативно влияют «на нравственность живущих в них как взрослых, так и, в особенности, детей»⁶². Общее собрание пайщиков, рассмотрев предложение А.Ф. Грязнова, приняло решение выделить на постройку домов рабочим 200 000 р., причем возвращаемые ссуды должны были использоваться далее с той же целью. Сам же А.Ф. Грязнов в 1907 г. добился в городской Управе выделения прилегающего к мануфактуре и принадлежащего городу участка земли в Забелицах (на берегу р. Которосль) в аренду рабочим для постройки домов. Безусловно, строительство на выделенном участке требовало преодоления целого ряда проблем, однако присутствовали и положительные моменты. Во-первых, близость нового поселка к фабрике была удобна и для рабочих, и для администрации. Во-вторых, получение беспроцентной ссуды давало рабочим реальный шанс решения жилищной проблемы для своей семьи.

Уже в мае-июне 1907 г. в городскую Управу поступали многочисленные заявления «об отводе земли»⁶³. К 1 августа 1907 г. в Забелицах было разобрано 68 участков (большинство — рабочими ЯБМ) по 100 кв. сажен. По сообщению газеты «Новый северный край», фабричная администрация «охотно снабжала» рабочих деньгами на постройку домов на следующих условиях: беспроцентная ссуда в размере 500–800 р. при условии погашения от 10 до 25 р. в месяц⁶⁴. К 1 января 1908 г. в Забелицах уже появился новый поселок — там было построено около 70 домов, и более 750 заявлений о желании построить дома находились в

городской Управе. В обоих случаях значительную часть составляли именно рабочие мануфактуры⁶⁵. Через 10 лет поселок Забелицы насчитывал около 500 домов с садами, огородами, спланированными улицами, площадями для храма, рынков, с местом для школы⁶⁶.

Товарищество мануфактур Коншина также содержало собственный рабочий поселок. Сначала строились домики (часть из них отводилась под административные нужды, то есть под жилье таких служащих, которым оно предоставлялось бесплатно), а затем рабочие могли «покупать» домики «с условием не позднее как через 30 лет или снести их или же возратить товариществу»⁶⁷ — т.е., в действительности, стоит говорить не о покупке, а о длительной аренде домиков. К 1899 г. в рабочем поселке всего было уже около 200 домиков⁶⁸, в 1907 г. в поселке проживало 1024 рабочих и 1005 членов их семей, не работающих на фабрике⁶⁹.

По условиям проживания рабочий поселок в обоих случаях выглядит предпочтительнее по сравнению с наемными квартирами (а чаще, комнатами), и фабричными казармами. Это был свой дом, дававший возможность ведения неработающими на фабрике членами семьи личного хозяйства. У Коншина Товарищество даже отдельно платила пастухам, поскольку жившие в рабочем поселке семьи содержали коров. В описании фабричного врача поселок выглядит так: «Этот поселок, расположенный рядом с фабричным двором, прилегает другой стороной к роще, тянущейся на несколько верст, и таким образом, его обитатели — собственники отдельных домиков — по житейской обстановке ближе подходят к деревенским жителям, чем к населению общих казарм». Врач показывал, что из-за лучших условий дети там растут более здоровыми, и детская смертность ниже (если в фабричных казармах до трехлетнего возраста не доживали 54–58% родившихся, то в рабочем поселке — 46%)⁷⁰. Такой вариант с точки зрения условий проживания явно выигрывал и по сравнению с собственными квартирами, поскольку в рабочем поселке комнаты нельзя было сдавать жильцам, и, следовательно, хозяева домов занимали всю площадь, а не ютились на кухне. Показательно, что администрация ЯБМ специально оговаривала: выдаваемая ссуда должна быть использована на приобретение или ремонт собственного дома, а не квартиры.

Сохранившиеся в фонде ЯБМ расчетные ведомости позволяют определить механизм возврата предоставленной рабочим ссуды: ежемесячные вычеты из зарплаты, сумма которых зависела от размера заработка. Коншинские рабочие вносили арендную плату за дом также путем вычетов из заработка.

Учитывая условия выдачи ссуды и порядок ее погашения на Ярославской мануфактуре, можно заключить, что далеко не все категории рабочих-текстильщиков имели возможность начать строительство собственного дома — ведь в год они должны были возвращать от 120 до 300 р. Крупные ссуды, в данном случае на постройку дома, способствовали фактическому закреплению квалифицированного, высокооплачиваемого работника за предприятием на несколько лет (т.е. до полного погашения задолженности). Если же он строил вблизи фабрики собственный дом, то переход его на другое предприятие становился еще менее вероятным.

Переселение в собственный дом требовало немалых средств и от рабочих Коншинских фабрик. Из 270 домиков в 1902 г. в 173 жили рабочие, а 48 были заняты под квартиры служащих⁷¹. В силу указанных причин для обеих предприятий была характерна ситуация, когда переселялись в рабочий поселок преимущественно семьи, в которых сразу несколько человек работали на фабрике.

Рабочие коншинских фабрик с трудом справлялись с дороговизной жилья в поселке. Арендную плату за дома вносили плохо. Согласно статистике, имеющейся на ноябрь 1902 г., из 173 рабочих — арендаторов домиков — только 6 полностью выплатили арендную плату, остальные 167 человек были должниками Товарищества⁷². На 1 января 1909 г. из 170 арендованных домиков рабочими были оплачены лишь 18. Из общей суммарной стоимости этих 170 домиков, равной 114 670 р., были погашены 59 972 р. 66 к., т.е. чуть более половины⁷³. В архиве также есть списки, включающие несколько десятков арендаторов домиков в рабочем поселке при коншинских фабриках. Среди них основная часть — рабочие основных фабрик, но есть также и подмастеры (низший управляющий персонал), рабочие механических отделений, хозяйственные рабочие, даже мелкие служащие. Указан размер их арендной платы — 5–10 р. в год⁷⁴. Это существенно меньше той суммы, что должны были уплатить

те, кто выкупал домики и считался их владельцем. В этой связи можно предполагать, что со временем Правление столкнулось с невозможностью сбора требуемых платежей в полном объеме и частично перешло к тому, чтобы часть домиков не продавать рабочим, а лишь сдавать в аренду за пониженную плату.

На основе записей в личных делах рабочих ЯБМ можно сделать вывод, что все крупные ссуды на постройку, покупку или ремонт дома выдавались мужчине-рабочему мануфактуры как главе семьи, и долг по выплате взятой суммы числился именно за ним. Однако при выдаче ссуды и зачастую при определении ее размера (иногда выдавали меньше, чем просил работник) учитывалось, работает ли жена взявшего ссуду на мануфактуре. Если мужчина, получивший крупную ссуду, вынужден был по каким-либо причинам уволиться с фабрики (потеря трудоспособности вследствие болезни или несчастного случая, а также смерть), то долг автоматически переносился на его жену. Упоминания о случаях переноса долга по ссуде на других членов семьи или близких родственников (детей, родителей, братьев, сестер) отсутствуют. Мы не располагаем сведениями о том, контролировалось ли фабричной администрацией использование рабочими полученной ссуды. Но, видимо, выданные на постройку, покупку или ремонт дома деньги не всегда тратились по назначению. Так, например, в протоколе заседания Правления Товарищества ЯБМ от 16 мая 1913 г. решено было удовлетворить просьбу одного из служащих в конторе Правления о выдаче ему ссуды на строительство дома, но «выплату произвести только после представления им крепостного акта на участок земли, на котором предполагается постройка дома»⁷⁵. Это можно рассматривать как некую попытку проконтролировать использование выделенных целевым образом средств.

На обоих рассматриваемых предприятиях существовали определенные критерии, на основе которых отбирались «достойные» претенденты на проживание в собственном доме. Администрацию ЯБМ интересовала, прежде всего, платежеспособность рабочего, подавшего прошение о выдаче ссуды. Так, в 1902 г. из 53 таких рабочих деньги получили 44. Девяти рабочим было отказано по следующим причинам: 1) частое появление на рабочем месте в нетрезвом виде; 2) наличие долга конторе ЯБМ (как следствие

выданной ранее ссуды на другие нужды); 3) низкий заработок рабочего и низкий общесемейный доход⁷⁶. Как видим, отказывали, в тех случаях, когда сомневались, что рабочий вследствие определенных причин в состоянии будет вернуть долг.

У Коншина для того чтобы поселиться в рабочем поселке, также недостаточно было быть платежеспособным на момент подачи заявления — администрация определяла, насколько рабочий соответствует праву проживать там. Так, директор ситце-набивной фабрики давал резолюцию о своем рабочем: *«Имею честь сообщить, что он, Щевелов, очень хороший и благонадежный рабочий, а потому имею честь покорнейше просить Вас сделать зависящее от Вас распоряжение об удовлетворении его ходатайства»*⁷⁷. Или так: (от заведующего литейным заводом): *«Сим удостоверяю, что Василий Гаврилов Волков с 1899 года и по сие время служит в качестве рабочего при литейном заводе Товарищества Мануфактур Н.Н.Коншина, получая жалованья 60 копеек в день. Волков за все время своей службы ни в чем предосудительном не был замечен»*⁷⁸. Могло быть и негативное заключение: *«В ответ на письмо Ваше от 4 с/м за №1803 сим сообщаем Вам, что мы покорнейше просим Г.П.Пронкину дом ни под каким видом не сдавать, так как нам было бы желательно избавиться от него»*⁷⁹.

Ряд интересных деталей открывает датированная сентябрем 1901 г. переписка заведующего административно-хозяйственной частью Товарищества Коншина (в его ведении находилось все, связанное с поселком) с директором прядильно-ткацкой фабрики (распоряжался размещением в казармах при этой фабрике) о возможности и желательности выселения рабочего Буева из поселка в казармы и освобождения, в результате этого, домика для конторы старосты поселка. *«Названный Буев против расторжения с ним арендного договора ничего не имеет при условии, что ему будет отведена каморка в одной из спален при вверенной Вам фабрике. Помимо необходимости занять дом № 177 для нужд Т-ва, продолжать договор с Буевым представляется нежелательным еще и потому, что он как многосемейный не в состоянии выплачивать Т-ву долга по аренде, который на Пасху с/г. равнялся 515 р. 39 к., т.е. за три года (с апреля 1898) вложения уменьшился всего на 70 р., тогда как по условию этот*

дом должен был бы быть в настоящее время совсем погашен. Наконец, и как хозяин Буев не отвечает желаниям Правления, так как и дом, и усадьба его содержатся им в высокой степени небрежно». Однако места в забитых казармах не нашлось. Все же вопрос как-то решился, так как по документам уже в октябре домик числится за конторой. Важно отметить, что в этой переписке всплывает фраза и о том, что с рабочим заключался договор об аренде домика, который мог быть расторгнут *«только в том случае, если рабочий-арендатор уйдет с фабрики или будет уволен с оной»*. Правда, видно, что Правление в крайнем случае могло пойти на увольнение рабочего с этой единственной целью⁸⁰. В фонде можно найти и другие материалы, рельефно показывающие повседневные проблемы рабочего поселка.

Интересно отметить, что на обеих рассматриваемых фабриках как рабочие, изначально имевшие собственное жилье при устройстве на предприятие, так и рабочие, обзаводившиеся собственным домом, получали от Товарищества «квартирные деньги» — компенсацию за то, что им не было предоставлено место в казармах. Так, сторож при коншинских фабриках Иван Ермолаев имел в поселке уже полностью выкупленный дом и, тем не менее, в 1901 г. получал в месяц положенный рубль квартирных денег⁸¹. Положение таких рабочих можно признать более выгодным. На ЯБМ, например, причитавшиеся «квартирные деньги» вычитались вместе с частью заработка в счет погашения ссуды.

Общие траты на жилье для рабочих

Снабжение рабочих жильем, которое, как мы показали, относилось так или иначе ко всем рабочим и к немалому количеству членов их семей, было довольно затратным делом. Расширение производства и соответствующее увеличение числа рабочих, постепенное увеличение ставки «квартирных денег», ужесточение санитарных требований и рост стоимости ремонта помещений, даже постоянный рост числа детей в казармах приводили к растущей динамике расходов по этой статье. Хотя у нас нет длинных динамических рядов расходов на обеспечение жилья рабочим, некоторое представление об этом процессе можно получить.

В табл. 7, в частности, отражены сведения о расходах ЯБМ по указанной статье.

Таблица 7

**Расходы Товарищества ЯБМ на жилье для рабочих
(без учета сумм, потраченных по этим же статьям
для служащих), 1895–1915 гг.**

Год	Квартирные деньги, р.	Содержание казарм, р.	Итого, р.	На одного рабочего, р.*
1895	9 680, 25	32 996, 09	42 676, 34	
1907	146 000	57 900	203 900	22,10
1908	165 000	59 780	224 780	24,30
1909	165 000	63 380	228 380	
1912	179 000	58 160	237 160	
1913	190 000	61 460	251 460	26,72
1914	205 000	61 360	266 360	26,68
1915	205 000	61 360	266 360	26,44

* За ряд лет данные о числе рабочих на ЯБМ не выявлены.

Источник: ГАРФ, ф. 7952, оп. 8, д. 62, лл. 93, 177; д. 59, л. 209, 41–48; д. 61, л. 57; ГАЯО, ф. 674, оп. 1, д. 2743, л. 8.

За 1907 г. сохранилась также роспись общей суммы, потраченной на содержание фабричных казарм, по отдельным статьям расходов. Из 57 900 р. больше половины «поглотило» отопление: 36 800 р. пошло на покупку топлива (дрова и торф). 15 500 р. было потрачено на освещение помещений. Жалование различным работникам казарм (смотрители, сторожа, истопники, трубочисты и др.) составило сумму 10 600 р., «страхование строений и имущества» — 3 850 р., «разные расходы» — 5 100 р.⁸²

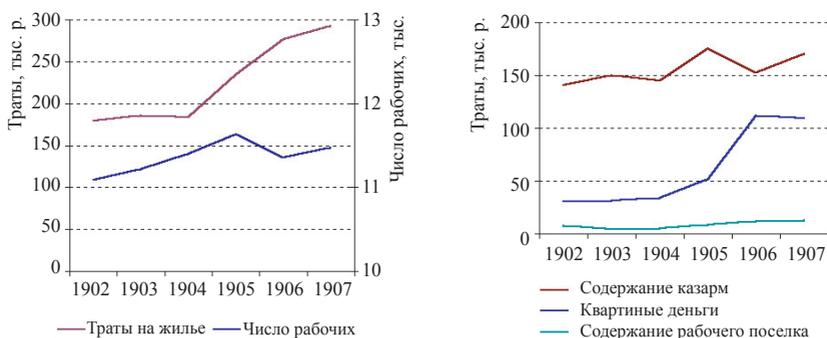
Товарищество Н.Н. Коншина расходовало на жилье рабочих в 1902–1907 гг. следующие суммы:

Таблица 8

**Расходы товарищества мануфактур Н.Н. Коншина
на жилье рабочих, 1902–1907 гг., р.**

Год	Квар- тирные деньги	Содер- жание казарм	Ремонт казарм	Ремонт и содер- жание домиков в поселке	Итого	На одного рабочего
1902	30 635	118 664	21 618	8 000	178 916	16,13
1903	31 743	130 741	19 594	3 875	185 952	16,57
1904	33 475	135 158	9 559	5 458	183 650	16,11
1905	51 767	162 070	13 331	8 078	235 246	20,22
1906	111 684	134 079	18 779	11 849	276 390	24,33
1907	109 583	151 771	18 426	12 802	292 582	25,49

Источник: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 358, л. 45 об.

Динамика трат на жилье рабочих товарищества мануфактур Н.Н. Кошкина, 1902–1907 гг.

Из первого графика, также как и из данных табл. 8, видно, что рост трат администрации на жилье рабочих в указанный период опережал рост числа рабочих, однако это расхождение между двумя представленными динамиками приходится в основном на 1905–1906 гг., причем из второго графика совершенно определенно следует, что качественные изменения связаны преимущественно с ростом объема квартирных выплат. В 1906 г. выплаты «квартирных денег» возрастают по сравнению с 1904 г. почти в три раза, хотя ставка этой выплаты увеличивается всего в полтора раза. Таким образом, здесь должны были играть свою роль сразу два обстоятельства — увеличение, вследствие революционных событий, ставки квартирных выплат и увеличение числа рабочих, которые получали такие выплаты. Однако в 1907 г., хотя рост числа рабочих продолжается, квартирные выплаты даже несколько уменьшаются.

Как бы ни решало Правление вопросы, связанные с жилищным обеспечением, положение в этой сфере оставалось крайне тяжелым. Яркая иллюстрация дана в докладной записке в Правление из администрации Новой ткацкой фабрики, датированной примерно 1909–1910 г., о различных проблемах на фабрике. В ней обращается особенное внимание на жилищный вопрос, как на острейший для рабочих, «поднимаемый с особой настойчивостью и имеющий значительную долю основания». Хотя в записке и говорится о значительных преимуществах новых казарм

перед старыми, неоднократно повторяется, что и те, и другие казармы переполнены до невозможности, и сносных условий нет нигде. Выше уже говорилось, что рыночное предложение квартир было совершенно недостаточным, и поэтому условия проживания в наемных квартирах были еще худшими, а увеличение размера квартирных выплат оценивалось как бессмысленное — «всякая прибавка уйдет в карман квартирного хозяина, не улучшив быта рабочего».

Понимая трудность проблемы, Правление выделяло деньги на строительство новых казарм. Масштабное строительство развернулось, в частности, в 1894–1899 гг., когда были построены пять новых корпусов, что обошлось Товариществу в 600 тыс. р.⁸³ Еще два жилых корпуса были введены в строй в 1900–1904 гг.⁸⁴ Новые корпуса сами по себе, если не учитывать проблему их перенаселенности, были вполне современными. Фабричный врач описывал их, как «большие трех- и четырехэтажные корпуса с центральными системами отопления и вентиляции, вполне благоустроенные»⁸⁵. Однако, по крайней мере с 1902 г., насколько можно проследить по протоколам заседаний Правления, крупное строительство предпринималось все же в весьма ограниченных размерах: в июне 1905 г. была принята смета в 191 500 р. на трехлетнее строительство казармы при прядильно-ткацкой фабрике на 800 человек, затем, в марте 1908 г. — на двухлетнее строительство казармы в четыре этажа на 250 человек при красильно-отделочной фабрике (до 55 тыс. р.)⁸⁶. Дальше, вплоть до войны, в протоколах заседаний Правления упоминаний о выделении денег на строительство казарм не встречается, и это почти наверняка означает, что строительства больше и не было.

Основной вывод автора докладной записки, непосредственно общавшегося с рабочими, заключался в том, что немедленное и постоянное строительство казарм является лучшим средством к умиротворению рабочих, повышению дисциплины и производительности труда. Но, как видим, Правление не пошло на дальнейшее строительство. Очевидно, оно все же было не расположено вкладывать в строительство казарм чрезмерные суммы, предпочитая краткосрочное решение проблемы, более дешевое и оставлявшее больше проблем самим рабочим. Можно произвести некоторые подсчеты. Допустим, казарма на 800 человек

действительно обошлась в 190 тыс. рублей. В 1908 г. работающие составляли примерно 70% живущих в казарме, так что 800 человек — это примерно 560 рабочих. Если каждый из них получил бы на квартиру по 1,5 р. в месяц, то за год сумма квартирных выплат составила лишь 10,8 тыс. р., так что одна только первоначальная смета на строительство казармы соответствует более чем 17 годам квартирных выплат. Если же еще учесть, что строительство могло не уложиться в смету и что содержание казарм тоже не было бесплатным, а требовало больших денег на ремонт, отопление, освещение, содержание сторожей, поддержание чистоты (согласно расчетным книгам, одна прядильно-ткацкая фабрика за июнь 1914 г. выплатила 401 р. сторожам и хозяевам по казармам и 94 р. 30 к. — полойкам в казармах) — то в краткосрочной перспективе, конечно, получалось, что дешевле не строить казарму, а платить деньги на наем квартиры, а уж какую «квартиру» найдет своей семье на эти деньги рабочий — это были проблемы самого рабочего. Сэкономить, видимо, удалось, но такое важное для автора докладной записки «умиротворение» рабочих, демонстрация «заботы о них» при этом, безусловно, были совершенно потеряны.

* * *

Итак, мы видим, что крупные фабрики сталкивались с проблемой обеспечения жилья для своих рабочих. Это была весьма затратная проблема. Чтобы тысячам рабочих было где разместиться, фабриканты Центрального промышленного района были вынуждены, в первую очередь, строить жилые помещения на свой счет, а затем еще и содержать их, платить за ремонт, освещение и отопление казарм. Мы видели, что к 1910-м гг. расходы по этой статье превысили 25 р. в год на одного рабочего; они составляли, конечно, довольно заметную прибавку в бюджете рабочих семей, хотя для того, чтобы жилищная проблема могла быть удовлетворительно решена, было еще далеко.

Стоит ли рассматривать эти расходы в контексте мотивации труда? Очевидно, что главной причиной жилищного строительства при фабриках была жесткая необходимость просто создать условия для размещения рабочей силы; без этого привлечение необходимого числа работников на фабрику было невозможным. Тем

не менее, само существование распределения жилья, в котором очень нуждались рабочие, вполне можно было обратить в элемент закрепления желательных кадров и побуждения к дисциплинированному труду. Хорошие, старательные и менее конфликтные работники, а также и квалифицированные рабочие имели больше шансов получить комнату получше; получая лучшие условия, они перевозили к себе на фабрику из деревни семью, даже иногда заводили свой домик в фабричном рабочем поселке и фактически все больше прикреплялись к фабрике, в то время как нежелательный, «плохой» рабочий мог потерять комнату в казарме и столкнуться с проблемой поиска жилья, на наем которого было недостаточно выдаваемых фабрикой «квартирных денег» (особенно если речь шла о целой семье). Представляется, что управляющие на разных фабриках понимали это, уделяли вопросу жилищного обеспечения рабочих серьезное внимание и определенно смогли обратить жилищную проблему в фактор мотивации труда.

Другой вопрос — насколько сложной была ситуация в целом. Фабриканты не готовы были вложить в строительство домов большие суммы, и потому в большинстве случаев обстановка оставалась далекой от идеала. Мы видели, что на ЯБМ вопрос с предоставлением жилья решался чуть лучше, на коншинских фабриках — чуть хуже; в обоих случаях проблема была достаточно острой, и недовольство рабочих условиями своего проживания в значительной степени обесценивало жилье как фактор трудовой мотивации.

Приложения

Приложение 1.

(из архивного фонда Коншинской мануфактуры)

Черновик Лотареву от Тизенгаузена на бланке.
7.9.1901.

Милостивый Государь Михаил Петрович,

Для помещения конторы староста рабочего поселка при П.Т. фабрике Т-ва предоставляется желательным занять дом № 177 (возле конторы старосты), который арендуется шурувщиком П.Т. фабрики Петром Исаевым Бувевым.

Названный Бувев против расторжения с ним арендного договора ничего не имеет при условии, что ему будет отведена каморка в одной из спален при вверенной Вам фабрике.

Помимо необходимости занять дом № 177 для нужд Товарищества, продолжать договор с Буевым представляется нежелательным еще и потому, что он как многосемейный не в состоянии выплачивать Товариществу долга по аренде, который на Пасху с/г. равнялся 515 р. 39 к. т.е. за три года (с Апреля 1898) вложения уменьшился всего на 70 р., тогда как по условию этот дом должен был бы быть в настоящее время совсем погашен. — Наконец и как хозяин Буев не отвечает желаниям Правления, так как и дом, и усадьба его содержатся им в высокой степени небрежно.

Ввиду изложенного имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не отказать в распоряжении об отводе Буеву каморки в спальнях и притом в возможно непродолжительном времени, дабы дать мне возможность произвести в доме № 177 необходимые ремонтные работы до наступления холодов.

(ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 74. л. 18)

Лотарев — Тизенгазену. На бланке, хорошим почерком.
12.9.1901.

Милостивый Государь Евгений Евгеньевич,

На письмо Ваше от 7-го ч.с.м. за № 580 имею честь сообщить, что перевести семью шуровщика Петра Исаева Буева из домика № 177 в казармы П.Т. фабрики в настоящее время, за переполнением казарм, при всем желании не представляется возможным, так как для семьи этой, состоящей из 3-х работающих и 4-х неработающих, потребуется отдельная каморка, освобождения которой в скором времени не предвидится. В виду этого обстоятельства семья Буева будет переведена в казармы, когда представится к тому благоприятный случай.

В совершенном к Вам почтении и преданности имею честь оставаться

Лотарев.

(ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 74. л. 21)

Почерк Тизенгаузена
19.9.1901.

Письмом от 7 Сентября с/г за №580 я обратился к Директору П.Т. фабрики с просьбой оказать мне содействие по выселению из дома № 177 в поселке арендатора этого дома, — рабочего П.Т. фабрики Буева.

В письме своем я сообщил г. Директору, что продолжать с Буевым договор представляется нежелательным, что нам он, как многосемейный, не в состоянии выплачивать долга Товариществу по аренде, чему наглядным доказательством служит то, что этот долг с начала аренды (Август 1898 г.) по Пасху с.г. уменьшился с 585 р. только до 515 р. 39 к., т.е. Буев уплатил Товариществу всего лишь около 70 р., тогда как по договору должен бы был к этому сроку погасить весь капитальный долг.

Наконец и как хозяин Буев не должен был бы терпим в поселке, так как он и дом, и усадьбу содержал крайне неряшливо.

На основании всего этого я просил г. Директора дать Буеву каморку в одной из спален для рабочих при фабрике.

На это письмом от 12 с/м М.П.Лотарев уведомил меня, что за неимением свободных помещений он не в состоянии отвести Буеву просимую комнату и делает это, когда представится благоприятный случай.

Данный частный случай вынуждает меня возбудить принципиальный вопрос: как быть с неисправными или нежелательными, по тем или иным причинам, арендаторами домов поселка из числа фабричных рабочих.

По букве типового договора этот последний может быть нарушен только в том случае, если рабочий-арендатор уйдет с фабрики или будет уволен с оной.

Между тем по закону уволить может только Директор подлежащей фабрики, следовательно фактически власть расторгнуть договор — в руках только Директора.

В данном частном случае прибегать к насильственным мерам вроде увольнения не было необходимости, так как Буев сам сознавал свою несостоятельность и готов был отдать занимаемый им дом при условии, что ему дадут помещение в спальнях — почему я и обратился с такой просьбой к Директору.

Получив теперь ответ Директора, я должен оставить Буева в занимаемом им доме, что, как я показал вам выше, представляется нежелательным.

Во избежание впредь подобных случаев, я покорнейше просил бы Правление, не найдет ли оно возможным разъяснить г.г. Директорам, что если в будущем к ним будут поступать от Серпуховской конторы просьбы о выселении фабричных рабочих из домов рабочего поселка, то чтобы такие просьбы были принимаемы к исполнению путем тех средств, которыми располагает Директор, а именно объявлением расчета, переводом в спальни или назначением квартирных денег.

(ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 74, л. 23–24)

Приложение 2

(из архивного фонда Ярославской Большой Мануфактуры)

Условия пользования жилыми помещениями, больницей и баней при фабрике Товарищества Ярославской Большой Мануфактуры.

1. Снабжение квартирами рабочих для фабрики не обязательно.
2. Рабочие, а также члены их семейств, живущие в помещениях Я.Б.М., должны безусловно подчиняться правилам пользования этими помещениями.
3. За малолетних детей во всех случаях отвечают родители или заступающие их место.
4. Рабочий, коему фабричное управление найдет возможным дать помещение в принадлежащих фабрике казармах, должен получить особое разрешение. Не имеющим же такого разрешения пребывание в казармах безусловно воспрещается.
5. Для получения права проживать в жилых помещениях Товарищества рабочий обязан явиться к заведующему квартирным отделением с расчетной книжкой и получает от него записку, в которой указывается рабочему место его будущего помещения. Кроме того, заведующий квартирным отделением записывает семью поступившего и после этого рабочий уже не может принять к себе кого бы то ни было без особого на то разрешения заведующего квартир-

ным отделением. Разрешение дается в форме билета, с обозначением срока, на какой дается разрешение, имени рабочего и номера каморки.

6. Рабочие обязаны быть вежливы и послушны относительно заведующего квартирным отделением, старшего смотрителя, а равно и смотрителей над корпусами (хожалых) и беспрекословно исполнять их распоряжения, касающиеся чистоты, порядка и благоустройства в жилых помещениях.

7. В праздничные и воскресные дни рабочие могут отлучаться из сих помещений: летом до 10 ч. вечера, а зимою (с Покрова до Благовещения) до 8 ч. вечера.

8. Рабочие обязываются:

а) соблюдать чистоту и опрятность в занимаемых ими помещениях, а равно в коридорах, проходах, кухнях и ретирадных местах, а потому не дозволяется накоплять кучи сора, паутину, грязь, отбросы пищи, помой и т.п. нечистоты;

б) мыть коридоры, каморки и ретирады перед каждым праздником или воскресным днем, а смотря по надобности и чаще, и протирать окна;

в) заботиться о чистоте воздуха, а потому не должны загораживать вытяжных отверстий и закрывать форточек, вводящих свежий подогретый воздух и, кроме того, должны проветривать комнаты открыванием обыкновенных форточек;

г) по возможности не держать в жилых помещениях предметов, издающих острый запах, а хранить их в погребах, имеющихся при жилых помещениях;

д) обращаться с огнем как можно осторожнее, разводить самовары непременно в указанных местах и притом только угольями. Время для постановки самоваров назначается от 5 ч. утра до 9 ч. вечера. В другое время постановка самоваров может быть допущена только в исключительных случаях с разрешения смотрителя казармы;

е) держать себя тихо и скромно, не дозволяя употребления грубых, бранных слов, пения непристойных песен, драки, запрещенных законом азартных игр на деньги (в карты, орлянку и т.п.) и всяких неприличных действий;

ж) не стирать белья в жилых фабричных помещениях (стирка должна производиться исключительно в бане);

з) не выливать помой и не выбрасывать сора в сортиры, а относить то и другое в назначенные для этого баки и ящики.

и) не сушить в каморках белья, перин, одежды и прочих предметов;

й) соблюдать чистоту вокруг жилых помещений;

к) возвращаясь с работы в ночное время, тихо входить в свои помещения, чтобы не беспокоить спящих соседей;

л) не выпускать после 10 ч. вечера детей в коридоры;

м) не ходить ночью с огнем в погреба и не курить там не затопивать самовольно печь, не накладывать без истопника в печи дров.

Примечание: Курение в самых казармах разрешается, но только в коридорах и кухне, при этом рабочие обязываются соблюдать крайнюю осторожность при обращении с огнем.

н) не ставить после 9 часов вечера самовар;

о) не портить кроватей, табуреток, стен, окон и вообще как самых помещений, так и вокруг жилых помещений решеток, заборов, ворот и проч.

п) не гулять по двору позже 10 ч. вечера, как в будни, так и в праздники, и расходиться по своим квартирам не позже этого же времени;

р) не принимать на ночлег лиц, не живущих на фабрике, без записки Заведующего Мануфактурою;

с) за беспорядки, произведенные гостями, отвечают принимающие их к себе.

9. В жилых фабричных помещениях ни под каким видом не допускается держать пороха и других легковоспламеняющихся веществ, а также керосина, астролина и прочих ламповых масел, кроме того количества, которое находится в лампах. Лампы на ночь должны быть непременно потушены. Лампы в сих помещениях должны заправляться днем, ночью же при огне заправлять не допускается.

10. Безусловно запрещается держать собак в жилых помещениях и даже приводить их в жилые помещения.

11. После 8 ч. вечера запрещается в жилых помещениях и коридорах всякий шум, мешающий рабочим спать.

12. В случае заболевания кого-либо из живущих в каморке следует немедленно дать знать об этом хозяину или санитарному фельдшеру, живущему в казармах.

13. Несоблюдение вышеозначенных правил нарушения тишины и спокойствия кем-либо из фабричных дракою, шумом, криком, пьянством и т.п. влечет за собою, смотря по важности проступка, или выговор, или удаление из помещения.

14. По получении рабочим расчета он должен немедленно оставлять занимаемое им помещение.

15. При фабрике имеются аптека и больница, где заболевшим рабочим медицинская помощь подается бесплатно находящимися при фабрике докторами и фельдшерами, поэтому рабочие, чем либо заболевшие, обязаны немедленно обращаться за помощью, а не скрывать свои болезни, отчего может произойти опасность для здоровья других лиц. Рабочие, являющиеся в больницу за медицинской помощью, должны предъявлять свои ярлыки (нумера).

16. При фабрике имеется начальная школа, которую на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденных правил посещают малолетние рабочие, а потому родителям или лицам их заменяющим, вменяется в обязанность строго наблюдать, чтобы находящиеся на их попечении малолетние посещали школу исправно.

17. Баней рабочие пользуются бесплатно, для чего баня бывает открыта по Пятницам с 12 ч. дня до 8 ч. вечера и Субботам от 6 ч. утра до 8 ч. вечера.

На право входа в баню рабочие получают на каждого члена своей семьи, не моложе 5 лет, особую книжку, в которой имеются чековые билеты на все назначенные для бани дни, с указанием месяца и числа. Для входа в баню вырывается чековый билет, соответствующий числу банного дня, который и отдается сторожам при входе. По чековому билету другого числа и месяца вход в баню не допускается.

Примечание. Дети до 5 лет имеют вход с родителями без чековых билетов. В женскую баню допускаются с матерями мальчики старше 5 лет.

Такие же чековые книжки и на основании тех же самых правил выдаются исключительно семейным, а также работающим на фабрике вдовам, одиноким женщинам и девицам и на право стирки белья в бане.

Выданные для бани и стирки книжки, а также и чековые билеты из них, не могут быть передаваемы другим.

В случае потери отдельного чекового билета на вход в баню, таковой не возобновляется.

Потерявшие чековую для посещения бани или на право стирки книжку получают, взамен ее, новую, но не иначе как с наложением взыскания.

При получении окончательного расчета, рабочий обязан предъявить чековые для бани и стирки книжкам с полным, соответственно дню расчета, количеством билетов; за потерю же таковой или отдельных билетов, с рабочего, берушего расчет, взыскивается по табели.

[Май 1905 г.]

(ГАЯО, ф. 674, оп. 3, д. 258, л. 114–116)

Примечания

¹ О жилищных условиях рабочих есть довольно большая литература, включающая в том числе и материалы обследований, специально проведенных современниками для выяснения состояния вопроса. См. библиографию: Положение пролетариата в России. Указатель литературы. Вып. II. М., 1972. Гл. VIII («Жилищно-бытовые условия»). См. также подробный анализ проблемы в работах: Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX– начало XX в.). М., 1979. С. 213–268; Семанов С.Н. Петербургские рабочие накануне первой русской революции (численность и состав) // Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX– начала XX в. М.; Л., 1964. С. 144–170.

² Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 216–219.

³ Некоторое изложение истории развития вопроса обеспечения рабочих в Центральной России жильем начиная с пореформенного времени дал Е.М. Дементьев. Он особо подчеркивал, что «наши фабрики представляют в этом отношении чрезвычайно оригинальное явление, не имеющее себе никакой аналогии с Западом, где жилые помещения для рабочих представляют собой всегда нечто отдельное от фабрики» (Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897. С. 39–43).

⁴ Рассуждения по этому поводу есть, например, в статье: Вернер И. Жилища беднейшего населения Москвы // Известия Московской Городской Думы. 1902. № 19 (октябрь). С. 2–3.

⁵ Иоксимович Ч.М. Прибыли и дивиденды мануфактурных предприятий за 1902–1911 г. М., 1912. Приложения.

⁶ Годы основания фабрик взяты: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 38, лл. 24 и 50; в литературе же иногда встречаются другие даты. Так, по Е.М. Дементьеву, ситценабивная фабрика основана в 1805 г., а прядильно-ткацкая — в 1860 г. (Дементьев Е.М. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда. Ч. I. М., 1888. С. 10, 16 (Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. III. Вып. XV); согласно же Ч.М. Иоксимовичу, ткацкая фабрика построена в 1861 г., а красильно-отделочная — приобретена товариществом в 1885 г.

(Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность накануне Мировой войны. Вып. 1. М., 1915. С. 276–277). Этот ряд можно продолжать.

⁷ Иногда искажение фактов, встречающееся в недостаточно серьезных отечественных изданиях, затрагивающих рабочий вопрос, просто поразительно. Так, в истории города Серпухова прямо записано о коншинских рабочих: «Значительная часть этих денег [заработка] уходила ... на оплату квартиры. А была эта квартира обычной каморкой фабричной спальни, в которой проживало нередко 3–4 семьи» (Гарин Г.Ф., Савоскул С.С., Шилов В.В. Серпухов. М., 1989. С. 121). Такого быть не могло определенно — предоставление места в фабричных казармах было бесплатным не только у Коншинных, но и вообще встречалось значительно чаще, чем взимание платы, особенно в Центральном промышленном районе и в Приуралье (Кириянов Ю.И. Указ. соч. С. 229–233). При этом, согласно ст. 27 «Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности...», разрешение на взимание платы за казармы, бани, чайные и т.п., равно как и утверждение расценок, должно было обязательно выдаваться фабричным инспектором.

⁸ Дементьев Е.М. Санитарное исследование... С. 10–11, 16–17.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ В законе (1886 г.) только было записано, что рабочие, которым фабрика предоставляет квартиру, «могут быть облагаемы за это особыми платежами не иначе, как по таксе, утверждаемой фабрично инспекциею» («Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». ПСЗ-III. Т. VI. № 3769. Ст. 27. Она же — ст. 140 Уст. Пром.). Но практика сложилась такая, что рабочие чаще всего вовсе не платили за само жилье.

¹¹ «Высочайше утвержденные временные правила относительно издания земскими учреждениями обязательных постановлений о мерах к предупреждению и прекращению повальных и заразительных болезней» 9 марта 1879 г. ПСЗ-II, Т.54. Отд. I. № 59399.

¹² См.: Обязательные санитарные постановления для населения Московского уезда всех сословий, изданные Московским Уездным Земским Собранием 18 апреля 1885 г. на основании Временных правил, Высочайше утвержденных 9 марта 1879 г. [М., 1885]; Обязательные санитарные постановления для населения Серпуховского уезда всех сословий, изданные Серпуховским Уездным Земским Собранием 18 апреля 1885 г. на основании Временных правил, Высочайше утвержденных 9 марта 1879 г., утвержденные Московским губернатором 22 января 1887 г. М., 1889.

¹³ В указанных изданиях это записано в §§ 72-75.

¹⁴ Это § 52 «Обязательных санитарных постановлений». См., например: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 469, л. 132.

¹⁵ Дементьев Е.М. Санитарное исследование... С. 180.

¹⁶ Там же. С. 178.

¹⁷ Там же. С. 149.

¹⁸ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 472, лл. 177–184.

¹⁹ ГАЯО, ф. 674, оп. 1, д. 6151, л. 8. При этом высшая награда досталась, в частности, Раменской мануфактуре, золотые медали — Тверской, Ярцевской и Егорьевской мануфактурам, Серебряные медали — Никольской мануфактуре и фабрикам Коншина (всего в классе «Жилища для рабочих» различные предприятия Российской империи получили 2 высшие награды, 10 золотых, 8 серебряных и 10 бронзовых медалей) (Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. СПб., 1900. Ч. 2. С. 112).

²⁰ ГАРФ, ф. 7952, оп. 8, д. 56, л. 100, 102. Надо отметить, что это не единственный пример соблюдения санитарных норм на предприятиях Ярославской губернии. Например, в 1900 г. на одного рабочего, проживающего в казармах Норской мануфактуры, приходилось в среднем 2 куб. саж. воздуха (Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем. М., 1900. С. 9). Даже если предположить, что цифра несколько завышена (хотя для этого у нас нет оснований), то установленная санитарная норма определенно соблюдалась.

²¹ Северный вестник. 1908. 20 июля.

²² ГАЯО, ф. 674, оп. 1, д. 6345, л. 8об–9.

²³ Там же, оп. 3, д. 258.

²⁴ ГАРФ, ф. 7952, оп. 8, д. 56, л. 100.

²⁵ Там же, л. 101.

²⁶ Ярославская Большая Мануфактура. М., 1900. С. 78–79.

²⁷ ГАЯО, ф. 674, оп. 3, д. 254; ЦИАМ, ф. 17, оп. 49, д. 148, л. 28об; ЦИАМ, ф. 2005, оп. 1, д. 1, л. 36.

²⁸ Комментируя распространенность этого правила на русских текстильных фабриках, молодой немецкий экономист Г. Шульце-Геверниц писал, будто причиной является ненависть русских крестьян к машинному производству. Поэтому, по его словам, «...нет ничего удивительного, что в России употребляют все средства, чтобы против воли удержать рабочих на фабрике. На первом месте стоит устройство казарм для рабочих, что увеличивает издержки предприятий; часто запрещают уходить по окончании работы за фабричные ворота, так как опасаются, что рабочие, уйдя на ночь, могут не возвратиться обратно» (Шульце-Геверниц Г. Крупное производство в России (Московско-Владимирская промышленность). М., 1899. С. 91). Этот вывод, очевидно, не выдерживает никакой критики, — если бы рабочие действительно захотели покинуть фабрику, их нельзя было бы удержать такими странными методами. Представляется, что логика ограничения времени свободного входа в казармы была такой же, как и везде, где оно встречается, — это стремление контролировать дисциплину и порядок. Администрации было крайне нежелательно, чтобы рабочий пьянствовал и гулял где-нибудь полночи, а утром был бы неспособен к работе, и ради того, чтобы застраховаться от подобных случаев, администрация считала себя вправе ввести жесткий режим и наложить штрафование на каждого, кто его не соблюдает.

²⁹ ГАЯО, ф. 674, оп. 3, д. 258, л. 114–115.

³⁰ Там же, д. 254, л. 108.

³¹ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 20, лл. 1об, 14об, 23об.

³² Казалось бы совершенно естественным, что место в казарме получает не только рабочий, но и члены его семьи, однако подобная ситуация не была общепринятой. Некоторые фабриканты в целях экономии предоставляли места в казармах исключительно рабочим-одиночкам. Так, п. 21 правил внутреннего распорядка московской мануфактуры Т-ва «Эмиль Циндель» 1886 г. (дословно повторенный и в п. 28 правил 1899 г.) прямо гласил: «Общие спальни предназначены исключительно для рабочих, действительно работающих на мануфактуре, поэтому в таковых безусловно воспрещается держать при себе как детей, так и кого-либо из взрослых родственников» (в том числе жену) (Шестаков П.М. Рабочие на мануфактуре Т-ва «Эмиль Циндель» в Москве: Стат. исслед. М., 1900. Приложение. С. 7, 13). Одна из работниц Трехгорной Прохоровской мануфактуры вспоминала: «Я до 15 лет жила в деревне с бабушкой и дедушкой. Матери держать дочь при себе воспрещалось. После 1905 г. Прохоров пошел на некоторое «ослабление». Разрешили детям приезжать на две недели» (Как мы жили при царе и как живем теперь. М., 1937. Воспоминания Е.С. Никадоровой. С. 62). Впрочем, представляется, что это свидетельство 1930-х гг., даже если оно и соответствует действительности, не стоит распространять автоматически на всех рабочих Трехгорной мануфактуры, поскольку при ней в начале XX в. определено были казармы для семейных рабочих (Терентьев П.Н. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1915. М., 1996. С. 251).

³³ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 62, л. 57.

³⁴ Там же, л. 46–47.

³⁵ ГАЯО, ф. 674, оп. 5 «Б», д. 284.

³⁶ Там же, оп. 5 «А», д. 246, 165, 141 и др.

³⁷ Там же, ф. 674, оп. 1, д. 21518.

³⁸ Там же, д. 4040.

³⁹ Такое распоряжение, — «Всем рабочим, не имеющим квартиры, выдавать 1 рубль квартирных денег», — встречается в протоколе заседания Правления от 2 июня 1905 г. (ЦИАМ, ф. 673, оп. 8, д. 22, л. 65), но судя по расчетным книгам, фактически оно широко применялось и ранее.

⁴⁰ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 201, л. 75.

⁴¹ Там же, д. 358, л. 45.

⁴² Там же, оп. 8, д. 283, л. 1об–3.

⁴³ Там же, оп. 1, д. 1121, л. 28.

⁴⁴ ГАЯО, ф. 674, оп. 1, д. 2739, л. 71.

⁴⁵ Там же, л. 75.

⁴⁶ ЦДНИ ЯО, ф. 394, оп. 1, д. 19, л. 142.

⁴⁷ ГАЯО, ф. 674, оп. 3, д. 254, л. 24.

⁴⁸ ГАРФ, ф. 7952, оп. 8, д. 62. л. 195; ЦДНИ, ф. 394, оп. 5, д. 80, л. 191.

⁴⁹ Правда. 1913. 10 февр.

⁵⁰ ЦИАМ, ф. 17, оп. 84, д. 558, т. 10, л. 9, 14.

⁵¹ Там же, л. 20об, 25.

⁵² Там же, д. 831, т. 12, л. 77.

⁵³ ГАЯО, ф. 674, оп. 5 «Б», д. 183.

⁵⁴ ГАРФ, ф. 7952, оп. 8, д. 56, л. 102.

⁵⁵ ГАЯО, ф. 674, оп. 5 «В», д. 49.

⁵⁶ Там же, оп. 5 «Б», д. 84.

⁵⁷ Фросина. Бюджет семей работниц (Обследование петербургского профсоюзного общества по обработке волокнистых веществ в апреле-мае 1908 г.). // Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в СПб., 10–16 декабря 1908 г. СПб., 1909. С. 331–332.

⁵⁸ Покровская М.И. О жилищах петербургских рабочих // Русское богатство. 1897. № 6. Отд. II. С. 21–22.

⁵⁹ Гарин Г.Ф., Савоскул С.С., Шилов В.В. Указ. соч. С. 98.

⁶⁰ Дементьев Е.М. Санитарное исследование... С. 178.

⁶¹ ГАЯО, ф. 674, оп. 1, Д. 3333, л. 12.

⁶² Рукописные воспоминания А.Ф. Грязнова (хранятся в музее комбината «Красный Перекоп»).

⁶³ Северная речь. 1907. 10 июня.

⁶⁴ Новый северный край. 1907. 1 авг.

⁶⁵ Северный вестник. 1908. 1 янв.

⁶⁶ В книге Н.П. Паялина 1936 года издания присутствует крайне негативная оценка этого события: «Городская Управа... разрешала рабочим строиться только там, где нужно было высушить болотистую местность, очистить ее от леса или мелкого кустарника. Так была высушена местность, известная под названием Забелицкой, — низина, расположенная позади старого затрапезновского парка, болотистая, поросшая кустарником и лесом. У рабочих другого выбора не было. Они торопливо рыли каналы, рубили лес и кустарники, выкорчевывали пни. Все это делалось после 10–11 часов работы на фабрике» (Паялин Н.П. Волжские ткачи. Т. 1. М., 1936. С. 114). Здравый смысл подсказывает, что подобная картина, по крайней мере в чистом виде, невозможна. Трудно представить себе, чтобы всю стройку вели сами ткачи и прядильщики. И дело здесь даже не в том, что эффективно строить что-либо после чистых 11 часов работы очень тяжело; есть и более весомые причины. Во-первых, на следующий день таких строителей допускать до работы за станком нельзя, и администрация фабрики не пошла бы на это. Во-вторых, в таком случае рабочий поселок пришлось бы строить по ночам. Наконец, если бы строительство было предоставлено самим рабочим и их семьям, не потребовалось бы и выделять на то такие суммы. В рабочем поселке у Коншиных, в котором домики строились именно Товариществом, а потом уже участки переда-

вались рабочим, в 1908 г. за рабочими числилось 170 домиков, и на их строительство было потрачено 114 671 р., т.е. те же 500–800 (точнее, в среднем 674,5) р. за один домик (ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 358, л. 45об).

⁶⁷ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 358, л. 45об.

⁶⁸ Там же, оп. 8, д. 18, л. 2об.

⁶⁹ Там же, оп. 1, д. 469, л. 74.

⁷⁰ Письменный Н.Н. К вопросу о вырождении фабричного населения // Труды первого всероссийского съезда фабричных врачей. Т. 2. М., 1910. С. 388–389.

⁷¹ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 74, л. 90.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, д. 358, л. 45об.

⁷⁴ Там же, д. 1629.

⁷⁵ ГАЯО, ф. 674, оп. 1, д. 7584, л. 12.

⁷⁶ Там же, д. 4040.

⁷⁷ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 74, л. 226.

⁷⁸ Там же, л. 151.

⁷⁹ Там же, л. 223.

⁸⁰ Там же, лл. 18–24, 51, 76.

⁸¹ Там же, лл. 47, 54.

⁸² ГАРФ, ф. 7952, оп. 8, д. 59, л. 45.

⁸³ ЦИАМ, ф. 673, оп. 8, д. 18.

⁸⁴ Жилых корпусов в 1899 г. было 24 (реквизиты архивного дела — в предыдущей сноске), а в 1904 г. их было уже 26 (ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 358, л. 44об).

⁸⁵ Письменный Н.Н. Указ. соч. С. 389.

⁸⁶ ЦИАМ, ф. 673, оп. 8, д. 22, л. 66; ЦИАМ, ф. 673, оп. 8, д. 36, л. 12об.